

УДК 821 (7/8). 09

ББК 83.3 (7)

К 90

Кулькина В.М.

Аспирант отдела литературоведения Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН, e-mail: retradazia@gmail.com

**Коллективный индивид Пола Остера
(на примере «Нью-йоркской трилогии»)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Проводится краткий обзор зарождения нового этап развития американской литературы, выраженный, в частности, в появлении нового типа героя с характерными признаками «коллективного индивида». Его появление характеризуется слиянием философский и литературоведческих категорий, что наиболее ярко проявляется в «Нью-Йоркской трилогии» Пола Остера. Исследование представляет новый взгляд на человека (персонажа) в обществе таких же как он субъектов. Представлена инновационная для американской литературы точка зрения на читателя как человека, способного совершать духовный скачок от веры в истинность своего бытия (избранность США среди всего человечества) до сакральной истины (видение американской нации как части человечества). Работа базируется на трудах российских философов, сторонников интуитивизма (Н.О. Лосский) и гносеологии (Н.А. Бердяев).

Ключевые слова:

Постмодернизм, Пол Остер, Нью-йоркская трилогия.

Kulkina V.M.

Postgraduate student of the Department of Literary Critics of the Center of Humanities Scientific Information Researches, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: retradazia@gmail.com

**Collective individual of Paul Auster
(from materials of the novel “The New York Trilogy”)**

Abstract:

The paper provides a brief review showing the origin of the new stage of development of the American literature expressed in emergence of the new type of the hero with characteristic traits of «the collective individual». Its emergence is characterized by mergence of philosophical and literary categories that is most brightly shown in “The New York Trilogy” by Paul Auster. Research gives a new view on the person (character) in the society and presents the point of view, innovative for the American literature, on the reader as the person capable to make spiritual jump from belief in the validity of the life (chosenness of the USA among all mankind) to the sacral truth (vision of the American nation as part of mankind). Work is based on proceedings of the Russian philosophers, supporters of intuitionalism (N.O. Lossky) and gnoseology (N.A. Berdyaev).

Keywords:

The New York Trilogy, postmodernism, Paul Auster.

Начало нового века в литературе США характеризуется ломкой внутренних категорий американского постмодернизма, связанной с реакцией на события 11 сентября 2001 г. Точка зрения СМИ воспроизводилась в сюжете многих новых американских романов. Американские литературоведы (А. Келли, Б. Макхейл и др.) обращались к истории как источнику «сюжетных линий», обстоятельств, возможностей, которые формируют историческую метапрозу. Писатель получает возможность предъявлять свое право на изображение событий прошлого [1]. В итоге американская деконструкция, т.е. набор аналитических приемов и критических практик, которые призваны показать, что любой текст всегда отличается от самого себя в ходе его критического прочтения (в том числе собственным сознанием) [2], претерпевает своеобразную метаморфозу.

Современный американский роман пребывает в состоянии т.н. «постмодернистского разворота», *возвращения к традиционному/старому* [3]. Повествовательная цепь постпостмодернистской прозы, представленная в виде рассказа, заключенного в одной или нескольких историях, определяется рядом факторов. Их сформулировал американский литературовед Р. Маклафлин [4]. Во-первых, это политический и культурный консерватизм, противостоящий авангардной культуре постмодерна и стремящийся переосмыслить духовную и культурную деградацию масс. Во-вторых, это исчерпанность иронии, приведшая к истощению языка и идеологическому цинизму в обществе, заимствование литературных черт масс-медиа (таких как фрагментарность). В-третьих, это шок от событий 11 сентября 2001 г., который разрушил надежду на возрождение метанарратива о Востоке и Западе [5]. И, наконец, глобализация – основополагающий фактор эконо-

мических, международных и межкультурных отношений, с помощью которых Запад определяет мир с точки зрения получения прибыли, источников дешевой рабочей силы, открытых рынков для инвестиций. Связь постмодернизма как художественного метода и формами производства первым определил Ф. Джеймисон. Заслуга американского философа и критика состоит не только в осмыслении определённой мировоззренческой ситуации, представляющей постмодернизм теоретическим отображением мироощущения современного человека, дезориентированного миром новейших технологий и властных структур, но и в попытке отыскать и показать пути её преодоления.

«Джеймисон выделяет три основные стадии капиталистического развития:

1. Рыночный капитализм, складывавшийся в XVIII–XIX вв. (преимущественно в Западной Европе и Северной Америке) на базе парового двигателя, связан с эстетикой реализма.

2. Монополистический капитализм, существовавший с конца XIX до середины XX века (до Второй Мировой войны), переход на электричество и двигателяли внутреннего сгорания, соответствует эстетике модернизма.

3. Мультинациональный или потребительский капитализм, сложившийся после Второй Мировой войны (с упором на перераспределении и потреблении благ), ассоциируется с развитием электронных и ядерных технологий, а в искусстве – с эстетикой постмодернизма» [6].

Следуя этим «экономическим» рамкам культуры, американская литература XX века тематически развивалась в ипостасях двух «национальных идей» 1) сделай себя сам (У.Фолкнер, Ф.С.Фицджеральд, Т.Драйзер); 2) дом, семья, достаток (Ф.Рот, Дж.Апдайк, Т.Капоте).

Пол Остер выбрал стык для своего творчества, наиболее «просторное» поле деконструкции романной формы. Темой его изучения стала цивилизация, взявшая на себя роль Бога в контроле над истиной, в поисках которой пребывает каждый человек. В его сознании формулируется возможность свободы от противоречий современного мира, допускается, что «возможность» может превратиться в *реальность*. Но для этого необходима воля человечества, что приравнивается к утопии. Один из признаков классической утопии – совпадение рассказа свидетеля о действительности с ее описанием героем / писателем. Антиутопия выступает как контрапункт утопии. Один из признаков антиутопии – посвящение в тайны исчезающего пространства, изображение распадающегося мира, смятение чувств и мыслей наблюдающих за этим процессом людей.

Пол Остер описывает кризис действительности как истину, не нашедшую отражения ни в утопии, ни в антиутопии. Он видит существование эмпирической реальности этого *реального* мира и таким образом избегает лжи. Словами героя «Нью-Йоркской трилогии» профессора Колумбийского университета Стиллмена, писатель выражает свою позицию: «Ложь – это грех. Солжешь – пожалеешь, что на свет родился. А не родиться на свет – значит быть проклятым. Быть обреченным жить вне времени. А когда живешь вне времени, ночь не сменяется днем. Тогда даже смерть обходит тебя стороной. Ложь невозможно искупить. Даже правдой. Как отец я хорошо это знаю. Помнишь, что случилось с отцом-основателем нашей страны? Он срубил вишню, а потом сказал своему отцу: «я не могу солгать». Вскоре после этого он выбросил в реку монетку. Эти два события имеют для американской истории основополагающее значение. Джордж Вашингтон сначала срубил дерево, а затем выбросил деньги. Ты понял? Тем самым он поделился с нами высшей правдой. Деньги, хотел ска-

зать он, не растут на деревьях. Оттого-то у нас такая великая страна. Теперь портрет Джорджа Вашингтона красуется на деньгах». Таким образом, Стиллмен – представитель американского истеблишмента (Колумбийский университет как часть «Лиги плюща», Стиллмен как ее представитель) – воплощает в себе приоритет интересов государства, осуществив эксперимент над собственным сыном. Так он подтверждал право власти над своим населением, над реальными людьми.

Методологией Пола Остера в «Нью-Йоркской трилогии» стало применение идеи пяти ипостасей человека. Для того чтобы прояснить сложность внутреннего мира человека в ситуации глобальной реструктуризации бытия и противоречий геополитики, Пол Остер персонифицирует внутренние противоречия личности в образах героев первого романа трилогии «Стеклянный город»: самого автора, Даниэля Квинна, Макса Уорка, Уильяма Уилсона. Индивид предстает в расщепленной форме отдельных личностей, несовпадение личностных свойств которых отражает парадоксальные внутренние противоречия современного человека. Перед читателем раскрывается образ **«коллективного индивида»**. Это определение носит не правовой или социальный, а философский характер, в основе которого лежит философия интуитивизма.

Сама идея о сложности личности и актуальности роли самосознания влияет на формирование нового подхода к гносеологии: «Если классический рационализм с его чрезмерной склонностью к «чистому интеллектуализму» пошел по этому пути вполне сознательно, то эмпиризм оказался на нем *de facto*. Справедливо указав на опыт как на основу всякого знания, он, однако, свел его к чувственному восприятию реальной действительности и тем самым привел к “обесмысливанию” последней» [7: 216-217].

Проза Пола Остера ориентирована на созидание себя, но не как «дельца»,

творца материальных благ. Она переориентирована на духовное познание мира, в частности на интуитивизм. «Интуитивистская онтология исходит из идеи признания трех основных видов бытия: реального, идеального и металогического. Реальное (материальное) бытие, как низшая его ступень, имеет пространственно-временную форму, доступную чувственной интуиции. Основной формой истинной бытийности, обуславливающей бытийность материальной реальности, является идеальное бытие. И, наконец, металогическое бытие является в образе некоего “сверхкосмического принципа”, имеющего то Богом, то Логосом» [7: 221].

Один из последних романов писателя «Невидимый» («Invisible», 2009) поднимает вопрос невозможности рационального подхода к познанию противоречий современной жизни, т.е. логика уже не способна отделять плохое от хорошего, видеть границы добра и зла. Человек должен учиться улавливать разницу и чувствовать *невидимое*. В этот момент автор и предлагает познавать себя в пространстве своего художественного мира: «Познание становится реальностью, когда заканчивается пассивный процесс восприятия **объекта** и начинаются активные действия **субъекта**, связанные с ответной реакцией с его стороны на сигналы объекта таких, как внимание, сравнение, различение и т.п.» [7: 221]. В случае Д.Квинна к действию его обращает встреча с Остером, он принимает на себя личину писателя, при этом выдавая себя за сыщика, и начинает вести дневник, в котором пишет: «Самое же главное: помнить, кто я такой. Помнить, кем я должен быть. Непохоже, чтобы это была игра. С другой стороны, пока никакой ясности нет. Например, сам-то ты кто? У меня нет ответа. Могу сказать только одно: слушай меня. Меня зовут Пол Остер. Это не настоящее мое имя» [8: 71].

Однако, исходя из логики русского интуитивизма, знание таковым становится тогда, когда под его основой форми-

руется опыт, обусловленный не действиями субъекта (в нашем случае Квинна), а самим Квинном, его мировоззрением и оценкой окружающего мира. А знания о мире у него поверхностны, они в его книгах, в детективах, которые он пишет по две штуки в год. Держателем (и содержанием) его знаний является герой этих детективов – Макс Уорк, «от лица которого велось повествование, он раскрыл целую серию тяжких преступлений, прошел через нечеловеческие испытания, был неоднократно бит, несколько раз едва избежал смерти, и Квинна его подвиги несколько утомили» [8: 25]. Такая «опора» для субъекта, источник его «синтетического опыта», или содержание его знания – **предикат**, третья ипостась сущности человека.

«Уорк и Квинн сблизилась. В отличие от Уильяма Уилсона, который оставался для Квинна абстракцией, Уорк с каждой следующей страницей обретал плоть и кровь. В этой триаде Уилсон был своего рода чревовещателем, сам Квинн – объектом, а Уорк – исходящим из “чрева” голосом, ради которого все и затевалось. Если Уилсон и был иллюзией, он тем не менее оправдывал существование Квинна и Уорка. Если Уилсон не существовал, он тем не менее был мостом, который соединял Квинна с Уорком. И мало-помалу Уорк вошел в жизнь Квинна» [8: 25]. Такой синтетический опыт, полученный объектом через выдуманного персонажа, объединенный с таким же иллюзорным Уилсоном, стали **рассудком** Квинна, путем которого он анализировал и проводил опыты (в своих книгах) над окружающей его реальностью. Бессилен Квинн оказался исключительно перед последней своей ипостасью – **интуицией**. «Эффективность и надежность интуиции, как инструмента формирования знания, и состоит в том, что она “схватывает” объект “в подлиннике”, а не в отраженном облике, не в копии» [7: 227]. Телефонный звонок, как некий вызов в иную реальность, мир за пределами книг героя, заставляет Квин-

на искать свою истинную сущность – объекта, т.е. Пола Остера, человека, которого вызывает металлический голос из телефонной трубки, и которым, с третьей попытки, Квинн назвал себя в ответ на звонок. Другими словами, «смысловое содержание текстового фрагмента личности (персонажа), которую автор вкладывает в свое высказывание» его герой «затем использует с целью представить информацию сквозь призму видения определенной реальности» [9: 25]. Квинн встречается Пола Остера, тот обещает содействие и не имеет ничего против использования его имени другим человеком. Так Квинн начинает свой путь в металогическое бытие, в мир «сверхкосмического принципа», именуемого Логосом.

Как правило, понятие коллективно-

го индивида представляет собой альтернативное название нации как части объективной реальности (государства), обладающее базовыми потребностями, общей волей, самосознанием, способностью единого и целенаправленного коллективного действия. Однако идея Остера – поведение «многоликого» субъекта, формирующего объект как коллективный индивид в сообществе индивидов (объектов). Писатель «разворачивает» ипостаси человеческого индивида с потребительства материальных благ на интуитивное видение себя частью человечества. Таким образом Остер заставляет читателя совершать духовный скачок от веры в истинность своего бытия (избранность США среди всего человечества) до сакральной истины (видение американской нации как части человечества).

Примечания:

1. Siegel J. The plot against America: Philip Roth's *Counter-plot* to American history // MELUS. Storrs: Univ. of Connecticut, 2012. Vol. 37, N 1. P.132.
2. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. М.: Интрада. 1998. С. 174.
3. Термин И. Хасана. См.: Ihab Habib Hassan. The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Columbus: Ohio state univ. press, 1987. 267p.
4. McLaughlin R.L. After the Revolution: US Postmodernism in the Twenty-First Century // Narrative. Columbus: The Ohio state univ. press, 2013. Vol. 21, N 3. P. 285–295.
5. Метанарратив – это исторический нарратив, будущее в нем предстает одновременно как прогнозируемое и как желаемое. Метанарратив содержит одновременно и предсказание о том, как будет, и предписание, как должно быть, и эти аспекты в нем соединены в нерасторжимое целое. См.: Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2 ч. Ч. II. С. 150–152.
6. Видеман В. Преодоление модерна. URL: <http://www.guzmanmedia.com/gm3/postmod.htm>
7. Новиков А.А. Пять ипостасей русского интуитивизма // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2000. Вып. 6. С. 215-228.
8. Остер П. Нью-йоркская трилогия. М.; СПб., 2010. 416 с.
9. Гитинова И.К. Текстовый фрагмент личности: семантический компонент // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Вып. 3 (145). С. 24–29.

References:

1. Siegel J. The plot against America: Philip Roth's *Counter-plot* to American history //

- MELUS. Storrs: Univ. of Connecticut, 2012. Vol. 37, N 1. P.132.
2. Ilyin I.P. Postmodernism from the beginning to the end of the century. M.: Intrada. 1998. 174 pp.
 3. The term of I. Hasan. See: Ihab Habib Hassan. The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Columbus: Ohio state univ. press, 1987. 267 pp.
 4. McLaughlin R.L. After the Revolution: US Postmodernism in the Twenty-First Century // Narrative. Columbus: The Ohio State Univ. Press, 2013. Vol. 21, N 3. P. 285-295.
 5. Metanarrative is a historical narrative, the future appears in it as both: projected and wished. Metanarrative contains both: a prediction of how it will be and an order as it must be, and those aspects of it are united in the indivisible whole. See: Maslov E.S. The concept of «metanarrative» of J.-F. Lyotard in the context of narratology // Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art history. Problems of theory and practice. Tambov: Diploma, 2015. No. 2 (52): in 2 parts, Part II. P. 150-152.
 6. Videman V. Overcoming modernity. URL: <http://www.guzmanmedia.com/gm3/postmod.htm>
 7. Novikov A.A. Five incarnations of the Russian intuitivism // Philosophy of Science. M.: IF RAN, 2000, Iss. 6. P. 215-228.
 8. Auster P. The New York Trilogy. M.; SPb., 2010. 416 pp.
 9. Gitinova I.K. Text fragment of personality: a semantic component // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2014. Iss. 3 (145). P. 24-29.